

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

11

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

К 2000-летию Ташкента

Р. Г. МУКМИНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ТАШКЕНТА

На протяжении всей средневековой эпохи главными центрами экономической, политической, культурной жизни и народных движений в Средней Азии оставались Самарканд и Бухара. Поэтому их история довольно широко отражена в многочисленных повествовательных и документальных источниках. События же, происходившие в областных центрах, в том числе в одном из древнейших городов — Ташкенте, лишь изредка, в связи с изложением отдельных фактов, привлекали внимание придворных писателей феодальных правителей Бухары и Самарканда. Произведений местных провинциальных историков дошло до нас гораздо меньше, и это является одной из основных причин малочисленности материалов, анализ которых позволил бы последовательно и всесторонне охарактеризовать историю позднесредневекового Ташкента. Тем не менее изучение даже сравнительно скудных данных письменных источников дает возможность выявить, что Ташкент тогда занимал важное место в экономике и политических событиях, происходивших в Средней Азии.

Здесь мы попытаемся проанализировать материалы письменных памятников, касающихся истории Ташкента в основном конца XV—XVI в.

К тому времени за городом и областью Ташкента прочно закрепилось его современное название, появившееся еще в XI в. Одновременно в письменных сочинениях и документах продолжало использоваться и древнее наименование — Шаш (Чач), хотя в основном уже как понятие историческое, книжное. «...В книгах [название] Ташкент пишут Шаш, а иногда пишут Чач», — отмечал Захириддин Бабур¹. В другом месте он подчеркивает, что наименование Ташкент было уже основным. «...Ташкент и Шахрухия, которые называются также Шаш и Бинакет», — сообщает он². Такое же содержание вкладывает в свое повествование Фазлаллах ибн Рузбихан. «Ташкент и подвластные ему земли, которые называются областью Шаш», — читаем мы в его «Михман-наме-йи Бухара»³.

К середине XVI в. относится выдержка из вакфного документа 1546 г., где в связи с перечислением жертвуемого имущества упоминается «округ Шаш, известный под именем Ташкент»⁴. А в сборнике об-

¹ Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958, с. 16.

² Бабур-наме, с. 60; Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони (Девону луготит турк). Т. 1. Тошкент, 1960, 91-бет: Банакет (بناکت).

³ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. М., 1976, с. 144.

⁴ Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Сред-

разцов и копий официальных документов и частных писем, относящихся к XV—XVI вв.⁵, помещены два формуляра (один из них на «тюрки», т. е. староузбекском языке), где наш город назван Ташкентом, а его более древнее наименование вовсе не приводится⁶. Зайниддин Васифи, долгое время проведенный при дворе ташкентских правителей, часто использует только одно название — Ташкент.

Таким образом, топоним «Ташкент» все более вытеснял древнее наименование города. Во второй половине XVII в. ученый-энциклопедист Махмуд ибн Вали отмечал: «Шаш — город на той стороне реки Сейхун и относится к Туркестану; в пятом и шестом климатах. Его также называют Чач, но в настоящее время известен под названием Ташкент»⁷. Изредка встречается в письменных памятниках и топоним «Шашкент». Так, документ от 1590 г., оформленный в Самарканде, был составлен в связи с продажей жилого дома, находящегося «в Шашкенте, известном как Ташкент»⁸.

Ташкент рассматриваемого периода был центром административного управления и экономической жизни области, внешней и внутренней торговли, транзитным пунктом для товаров, поступавших из других городов, областей и отдаленных стран. Это был сравнительно густо заселенный город, значительную часть жителей которого составляли торгово-ремесленные элементы. Здесь жили и работали мастера, изготавливавшие металлические (в том числе медные) и гончарные изделия, разнообразные ткани и одежду из них, оружие и многое другое. В Ташкенте вырабатывались кожи и изделия из них, особенно обувь. Отсюда вывозились высокие седла из лошадиной кожи и другие предметы ремесла.

Развитие многих ремесел в значительной мере обуславливалось соседством с кочевой степью. Далеко за пределами оазиса издревле известны были чачские кони и луки. Последние продолжали славиться в XVI в. К началу этого столетия относится упоминание «чачских луков» З. Бабуром⁹.

Неудивительно, что соседние правители и главари феодальных ополчений постоянно обращали свои алчные взоры на богатства города и области и делали попытки подчинить их, а в случае неудачи удовлетворяли свои ненасытные захватнические стремления грабежом мирного населения. Их манили доходы от местной и транзитной торговли, богатые рудники, сборы с земледельцев оазиса и скотоводов. В упомянутом выше формуляре, написанном на староузбекском языке, перечисляются некоторые сборы, взимавшиеся с населения Ташкентской области, в их числе: мал, харадж, ясак, улпан¹⁰. В целом здесь практиковались те же налоговые сборы и подати, что и в других областях, но бремя их многократно усиливалось в результате частых нападений врагов и постоянных смен местных правителей, каждый из которых спешил выколлотить с местного населения максимум возможного.

Тяжелое положение народных масс усугубляли стихийные бедствия. Бадриддин Кашмири отмечает, например, что зима 1566—1567 гг. бы-

ней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания, указатели О. Д. Чехович. М., 1974, с. 359.

⁵ Мактубат ва аснад, ркп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № А-210.

⁶ Там же, л. 94а, 95б, 148б.

⁷ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977, с. 5б.

⁸ Маджмуа-йи васанк, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1386, л. 174а.

⁹ Бабур-наме, с. 16.

¹⁰ Мактубат ва аснад, л. 94а—95б.

ла страшно холодной. В результате погибли все фруктовые деревья и виноградные лозы. Летом того же 1567 г. распространилась холера¹¹, унеся сотни жизней.

Следует отметить, что соседство Ташкентского оазиса с кочевой степью и постоянный обмен между жителями города, соседних областей и степей содействовали тесным связям между ними. Население кочевых степей нуждалось в изделиях городского и сельского ремесла, особенно в хлопчатобумажных тканях, обуви, металлических изделиях, некоторых видах продукции сельского хозяйства, а жители оазисов — в продуктах степного скотоводства. Это обуславливало поддержание постоянных торговых отношений кочевого и оседлого населения и усиливало роль Ташкента как посредника между ними.

Трудовое население города проживало в небольших глинобитных домишках, выходивших глухой стеной на улицу. Над домами с плоскими крышами возвышались здания караван-сараяв, мечетей и купола надгробных сооружений. К концу XV—XVI в. относится возведение ряда построек, которые дошли до нас. В их числе — усыпальницы Суьнч-Ходжа-хана и Барак-хана. На возвышенном месте Чорсу (ныне площадь им. Ахунбабаева) из жженого кирпича было сооружено медресе Кукельдаш, увенчанное голубыми куполами. В 1541/42 г. зодчим Гулям-Хусейном был построен мавзолей Каффалья Шаша, приподнятый на высокой платформе. До наших дней сохранился и мавзолей Юнус-хана, некогда заканчивавшийся утраченным впоследствии куполом. Это, собственно, был комплекс построек, включавший «высокий гumbоз с худжрами», где в конце XV в. был захоронен Юнус-хан, сделавший Ташкент столицей подвластного ему государства. Позднее эту постройку стали называть «мазар Юнус-хана».

Город был окружен оборонительной стеной, выдержавшей не одну осаду. О крепости ее косвенно свидетельствуют многочисленные примеры успешной обороны города от внешних врагов. Эти факты говорят и о героизме защитников Ташкента. Наше внимание привлекают то место сочинения Мухаммеда Юсуфа Мунши, где он упоминает об установленных на валах таранах, использованных при осаде Ташкента Имамкули-ханом (1608—1642 гг.), а также метательные машины («сангандоз») ташкентской крепости, о которых говорит Зайниддин Васифи¹². Во время очередной осады, в конце XVI в., одни из ворот ташкентской стены сгорели; отсюда можно заключить, что они были деревянными. Название самаркандских ворот сохранила до нас одна из улиц — Самарканд-дарваза, откуда шел путь в Самарканд.

Вокруг города располагались сады и виноградники. Сюда в жаркое время года выезжала обеспеченная часть жителей, в том числе крупные ремесленники. Вне крепости Ташкента находился чарбог Кайкаус. Современники характеризуют его как «место трона великих султанов» и резиденцию правителей Ташкента. Здесь проводились литературные диспуты, пиры и увеселения¹³. В Кайкаусе находилась и больница, куда, по свидетельству историка Хафиза Таныша, привозили с поля боя раненых узбекских султанов. В этой связи уместно вспомнить свидетельство, относящееся еще к VIII в. Чудо-лекарство, которое следовало давать как средство от ран и вообще при кровотечениях,

¹¹ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2094, л. 176.

¹² Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. П. Болдырева. Т. I. М., 1961, с. 385; Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перевод с таджикского. Предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956, с. 87.

¹³ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Т. II. М., 1961, с. 953.

доставлялось в Китай из ряда стран, в том числе из Чача (Ташкент)¹⁴.

В городе и пригородах находились караван-сарай, куда прибывали купцы из разных стран. На месте, где сливаются Пскем и Чаткал и образуется р. Чирчик, на пути из Ташкента в горы, располагался караван-сарай с каменными стенами, действовавший еще в XVIII в.¹⁵ В лисьменных источниках неоднократно упоминается расположенная на северо-запад от города местность Каракамыш, где ныне вырос крупный жилой массив под тем же названием.

Недра гор Ташкентского оазиса были богаты залежами железа, меди, свинца, бирюзы. Некогда в Шаше действовали серебряные рудники; здесь добывалось и золото. Но постепенно часть богатств иссякла, другая перестала разрабатываться в результате непрерывных феодальных войн и неурядиц. В 40-х годах XVI в. рудники бирюзы и железа упоминаются еще как функционировавшие. Находившийся при дворе ташкентского правителя Науруз-Ахмед-хана Зайниддин Васифи составил по его заданию в 1540 г. дарственную грамоту на пожалование сейиду Шамсиддину Мухаммеду на правах суйюргала всех пустошей и рудников Ташкентского удела, «кроме действующих разработок бирюзы и железа»¹⁶. Однако сто лет спустя другой автор определяет последние как бездействующие. В «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», написанном между 1634—1641 гг.¹⁷, Махмуд ибн Вали, характеризуя Ташкент и его область, пишет: «В горах имеются рудники бирюзы, железа и олова, но ныне не разрабатываются». В другом месте он отмечает: «Гора Испара находится в пределах Шаша... В той горе имеются рудники нефти, бирюзы, железа, меди, свинца и золота, но ныне не разрабатываются». В Ташкентской области добывался и каменный уголь. «В некоторых горах Шаша,— сообщает тот же автор,— встречается камень, который горит, как дрова, и пепел его чрезвычайно белый и, когда стирают одежду, он заменяет мыло и ушнан»¹⁸. То же самое сообщал и историк Хондемир. В Ташкенте (Шаш), писал он, «имеется гора Ширэ, в которой находится много рудников, из которых добывается золото, железо, медь, бирюза и нефть. Здесь же имеется камень, который может гореть, как уголь. Когда он сгорит, то остается чрезвычайно белый пепел. Этим пеплом белят материи, от чего она приобретает необыкновенную белизну»¹⁹.

Положительно влияя на хозяйственное развитие города, нахождение его на границе оазиса, рядом с обширной степью, было вместе с тем одной из причин частых грабительских налетов на него и временных захватов предводителями кочевых племен и феодальными правителями. Эти действия сопровождалась массовыми грабежами, уводом в плен и уничтожением жителей, вытаптыванием посевов, разрушением городских стен и жилых домов. И сами ташкентские правители при случае не менее активно участвовали в нападениях на соседние земли, насильно уводя в походы мирных жителей подвластных им территорий.

Вместе с тем стены Ташкента не раз служили защитой для соседей, подвергавшихся набегам чужеземцев. Так, по словам одного из

¹⁴ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981, с. 247.

¹⁵ Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978, с. 57.

¹⁶ В тексте: «железо и чугун». Зайниддин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 1332.

¹⁷ Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 56.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. М.—Л., 1932, с. 39.

историков, когда на улусы казахского народа, «предавши [все] потоку и разграбленню», напали калмыки, «большая часть племен и родов казахского народа... была взята в плен... казахи и племя каракалпаков из страха перед неисчислимым войском... калмыков покинули свой исконный юрт и положились на укрепления Ташкента»²⁰. В тяжелые для Ташкента периоды обитавшие в Ташкентском оазисе и рядом с ним народности помогли отбивать нападения врагов. Например, Ходжа Самандар Термези сообщает, что подвластные ташкентскому правителю казахи, киргизы, каракалпаки помогли одержать победу над хивинским ханом Ануша²¹.

Ташкент не раз служил также отправным пунктом для войск различных правителей, совершавших походы в степь или соседние страны. Так, эмир Тимур отправился отсюда в 1391 г. в поход против Тохтамыш-хана и с огромной добычей вновь вернулся сюда²². Именно в Ташкент осенью 1404 г. отправил Тимур большую часть своих эмиров и слуг, чтобы они подготовились к задуманному им походу в Китай²³. Здесь же концентрировались войска Улугбека перед походом на моголов. В подобных случаях город и область Ташкента использовались для передышки, накопления сил и снабжения армии за счет трудового населения Ташкентского оазиса. Кроме продуктов питания, вьючных животных, фуража и всего прочего, местное население обязано было поставлять войску арбы. Связанные цепями и особыми ремнями, они служили на поле боя укрытиями для воинов-стрелков.

Феодалные войны и усобицы особенно усиливались в периоды ослабления центральной власти. Это наглядно отражают письменные источники конца XV—начала XVI в., когда, по образному выражению К. Маркса (высказанному относительно средневековой Индии), «все воевали против всех». Узбекский поэт и историк Мухаммед Салих, излагая события тех лет, также подметил эту характерную черту и зафиксировал ее в стихотворной поэме «Шейбани-наме»: «Все (феодалы.— Р. М.) опасаются друг друга»²⁴.

При эмире Тимуре Ташкент был включен в его владения. Пограничные уделы эмир отдал малолетним сыновьям Шахруха. В 1404 г. Ташкент, Сайрам, Яны и весь Моголистан были переданы Улугбеку²⁵. После смерти Тимура Ташкент на некоторое время попал в руки Халил Султана, захватившего город в результате продолжительной осады. В 50-х годах XV в. Ташкент был захвачен ханом кочевых узбеков Абулхайром (1428—1468 гг.).

Жители Ташкента, особенно низы городского населения, не раз оказывали упорное сопротивление врагам. И даже такая, например, сильная, хорошо вооруженная, использовавшая осадные орудия армия, как войско Абдулла-хана, смогла захватить Ташкент лишь после седьмого похода, предварительно разорив и опустошив область. Другой

²⁰ Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод с таджикского с примечаниями члена-корреспондента АН УзССР проф. А. А. Семенова. Ташкент, 1957, с. 163.

²¹ Ходжа Самандар Термези. Дастан ал-мулюк (Назидание государям). Факсимиле старейшей рукописи, перевод с персидского, предисловие, примечания и указатели М. А. Салахетдиновой. М., 1971, с. 110.

²² Фасих Ахмад ибн Джалал ад-дин Мухаммад эл-Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод). Перевод, предисловие, примечания и указатели Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980, с. 13.

²³ Там же, с. 125—126.

²⁴ Мухаммед Салих. Шейбани-наме. СПб., 1908, с. 19.

²⁵ Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, с. 70.

завоеватель Ташкента, аталык Ялангтуш-бий (XVII в.) покорил город в три похода²⁶.

Бесконечные войны наносили огромный ущерб населению, хозяйственной жизни и внешней торговле Ташкента. Как свидетельствует, например, один современник тех событий, «казахи уже три года теснили Ташкент и препятствовали грабежами своими свободной езде караванов»²⁷. Таких фактов можно привести очень много.

В иных случаях торговые связи оседлого, полукочевого и кочевого населения прерывались по приказу феодальных правителей. Так, Шейбани-хан, опасаясь притязаний казахских султанов на территорию бывших владений Тимуридов, запретил казахским купцам посещать эти области. В этих целях «несколько раз в некоторых районах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов». Далее Фазлаллах ибн Рузбихан добавляет: «Ханское величество изволил усмотреть по части запрещения казахам посещать области Туркестана и Мавераннахра»²⁸. Английский путешественник Антоний Дженкинсон, посетивший Бухару в конце 1558 — начале 1559 г. в период усиления междоусобиц, когда, по его словам, правитель не мог рассчитывать «царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют, или выгонят», отмечал, что «все это сильно разоряет страну и купцов»²⁹.

Во второй половине XV в., а особенно к концу столетия, государство Тимуридов представляло собой раздробленное феодальное владение, распавшееся на множество мелких уделов, бывших по существу самостоятельными политическими единицами. При этом положение тимуридских султанов, стоявших во главе этих владений, было низведено до роли марионеток в руках феодальной знати. Значительную роль в политической и экономической жизни страны играли тогда крупные феодалы — тарханы, пользовавшиеся своими привилегиями по наследству и фактически державшие в своих руках власть в Бухаре, Самарканде и других городах. Ташкент с окружающей областью также находился некоторое время под властью тарханного бека. При последних Тимуридах Ташкент подчинялся то верховным правителям Самарканда, то султанам Бухары, то владельцу Ферганы — Тимуриду Омар-Шейху (ум. в 1494 г.). Последний, как свидетельствует его сын, Захириддин Бабур, постоянно нападал на соседей и «из-за соблазна к захвату земель часто менял мир на битву и дружбу на вражду»³⁰.

После смерти Шейх Джамал-Хара, ставленника Султан Абу-Саида (1451—1469 гг.), Ташкент и Шахрухия стали причиной раздора между братьями, сыновьями Абу-Саида — Султан Ахмед-мирзой (1452—1462 гг.), правившим Самаркандом, и владельцем Ферганы Омар-Шейхом. Последний решил силой захватить Ташкент и обратился за поддержкой к моголистанскому правителю Юнус-хану (ум. в 1487 г.). Тот отправил на помощь Омар-Шейху своего старшего сына, Султан Махмуд-хана, с армией в 30 тыс. человек, а сам Омар-Шейх во главе 15-тысячного войска также выступил по направлению к Ташкенту. Однако сражения союзных войск с армией Султан Ахмед-мирзы не произо-

²⁶ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 271.

²⁷ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864, с. 37.

²⁸ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани. Михман-наме-йи Бухара, с. 101, 102.

²⁹ Дженкинсон Антоний. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг.— В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1932, с. 186.

³⁰ Бабур-наме, с. 9.

шло. По показанию историка Мухаммеда Хайдара, прибывший в лагерь Султан Махмуд-хана известный деятель того времени Убайдулла Ходжа Ахрар «примирил» политических противников. В результате переговоров Ташкент был передан Юнус-хану.

Приблизительно так же излагает события историк Хафиз Таныш, писавший несколько позже³¹. Иначе трактует действия феодальных предводителей современник описываемых событий Захириддин Бабур. По его словам, Ташкент и Сайрам были отданы Омар-Шейху его братом Султан Ахмед-мирзой³². «После убийства Шейха Джамала Абдул-куддусом³³, — пишет автор «Бабур-наме», — Султан Ахмед-мирза ... захватил Ташкент, Шахрухию и Сайрам. Некоторое время эти города были под его властью, потом он отдал Ташкент и Сайрам своему младшему брату Омар-Шейх-мирзе»³⁴.

Омар-Шейх неоднократно обращался за военной помощью к хану Моголистана Юнус-хану, одаривая его за это земельными владениями. По словам З. Бабура, «когда Омар-Шейх-мирза призвал Юнус-хана в последний раз, он отдал ему область Ташкента, которая в то время была во власти Омар-Шейх-мирзы»³⁵.

Таким образом, Юнус-хан, связанный с Тимуридами родственными узами, пользуясь распрями между сыновьями Абу Саида, активно вмешивался в дела Тимуридов, стараясь держать их в зависимости от себя. Так, в одном сражении, разыгравшемся на берегу Сырдарьи, Омар-Шейх потерпел поражение и попал в плен к моголистанскому хану. Дав ощутить свое превосходство, Юнус-хан отпустил мирзу в его удел³⁶.

В 1485 г. Юнус-хан присоединил к своим владениям Ташкент и Шахрухию. «С того времени и до девятисот восьмого года (1502/1503 гг.), — пишет З. Бабур, — области Ташкента и Шахрухии находились во власти джагатайских ханов»³⁷. При сыне Юнус-хана, Султан Махмуд-хане Ташкент был столицей Моголистана. Махмуд-хан правил Ташкентом в 1487—1503 гг. В союзе с Султан Ахмед-мирзой он выступил против Омар-Шейха. «В это время случилось удивительное происшествие»³⁸. Омар-Шейх, увлекавшийся голубями, свалился вместе с голубятней в овраг и умер. Однако совместные действия объединившихся в опасный для них час ферганских эмиров вынудили отступить Махмуд-хана и Ахмед-мирзу.

Некоторым правителям Ташкента порой удавалось значительно расширить их владения и установить свою власть над городами по Сырдарье и в Фергане. Так, по свидетельству Бинаи и анонимного автора «Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме», в период правления Султан Махмуд-хана Отрар подчинялся Ташкенту. В начале своей политической деятельности Махмуд-хан передал Отрар Шейбани-хану, надеясь на союз с ним в борьбе с Тимуридами. Из ферганских документов, включенных в «Сборник ярлыков», изданных в переводе на узбекский язык³⁹, видно, что в конце XV в. и в отдельные годы XVI в. правителю Ташкента подчинялись города Ферганы, в том числе Ахси — «одна из сильных крепостей этой страны».

³¹ Хафиз Таныш. Абдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2207, л. 37а.

³² Бабур-наме, с. 18.

³³ Абдулкуддус дуглат — приближенный Юнус-хана.

³⁴ Бабур-наме, с. 30.

³⁵ Там же, с. 16.

³⁶ Там же, с. 18.

³⁷ Там же, с. 16, 18.

³⁸ Там же, с. 16.

³⁹ Жувонмардиев А. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир. Тошкент, 1965.

Важным военно-стратегическим пунктом была Шахрухия (Бенакет более раннего времени), лежавшая на древнем торговом пути. Источники характеризуют ее как крепкую и очень высокую крепость. Одной из сильных крепостей Ташкентской области считался также Хаваст, через который издревле проходила караванная дорога из Самарканда в Ташкент. «Известным кишлаком» этого района источники XVI в. называют Шираз. Ходжа Самандар Термези отмечает неприступность Бишкента (современный Пскент, Бискет арабских географов) — еще одной крепости, подвластной Ташкенту. По словам Махмуда ибн Вали (XVII в.), Ташкент «имеет много подвластных деревень и селений»⁴⁰.

Отдельные ташкентские ханы пытались даже подчинить себе стольный город Тимуридов — Самарканд. Так, по словам З. Бабура, пользуясь междоусобной борьбой, Султан Махмуд-хан выступил из Ташкента с целью захвата Самарканда. Однако навстречу ему вышел Тимурид Байсункар-мирза «с многочисленным, сильным, хорошо снаряженным войском»⁴¹, которое нанесло отрядам моголов поражение и заставило их отступить⁴².

В 1495 г., опасаясь нового похода со стороны Султан Махмуд-хана, малолетний Захириддин Бабур, вступивший на ферганский престол после смерти отца, посетил ташкентского правителя и, как можно заключить с его слов, номинально признал верховную власть хана. «Мне пришло на ум, — пишет он, — что поскольку отношения (между нами. — Р. М.) близкие (Султан Бабур приходился Махмуд-хану племянником. — Р. М.), то хан является мне как бы отцом или старшим братом, и если я пойду и стану служить ему, и если неудовольствия, которые были раньше, рассеются, то это вызовет одобрение слышавшего и видящего вблизи и вдали»⁴³.

Бабур вынужден был обращаться за помощью к моголистанскому хану в борьбе с сепаратистскими стремлениями андижанских феодалов. Но ташкентский правитель действовал в зависимости от обстоятельств. Так, по просьбе Бабура, он выступил против захватившего власть в Фергане эмира Ахмеда Тенбея, но, получив от последнего соответствующие подарки, отступил без боя.

Впрочем, тут могла сыграть свою роль иная причина. В отсутствие моголистанского хана к Ташкенту подошел Шейбани, тогда еще только хан кочевых узбеков. Узнав об этом, Султан Махмуд-хан поспешил назад, и Шейбани отступил в Туркестан, ограничившись захватом богатой добычи. Во время этого похода попал в плен и был доставлен в Ташкент брат Шейбани-хана — Султан-Махмуд⁴⁴. Однако ташкентский хан предпочел отпустить его к Шейбани.

Этот поход Мухаммеда Шейбани, надо полагать, остался неизвестным Захириддину Бабуру, и отход Султан Махмуд-хана от Андижана он объясняет лишь получением подарков и «доверчивостью хана к лживым речам противников»⁴⁵.

Безвыходность положения Султана Бабура, оставшегося без удела, вновь заставила его обратиться к Махмуд-хану, теперь уже с предложением совместными усилиями захватить Самарканд. Моголистан-

⁴⁰ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук, с. 122; Махмуд ибн Вали. Море гайн..., л. 56.

⁴¹ Бабур-наме, с. 38.

⁴² Камалиддин Бинаи. Шейбани-наме, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1235, л. 61; Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме, ркп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № В-745, л. 111а.

⁴³ Бабур-наме, с. 39.

⁴⁴ Мухаммед Хайдар. Тарихи Рашиди, ркп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № 394, л. 69б.

⁴⁵ Бабур-наме, с. 68.

ский хан, надеясь подчинить своей власти столицу Мавераннахра, в середине 1498 г. послал к Самарканду около 5 тыс. воинов. Но приближенные Мухаммед Шейбани-хана, теперь уже поставившего себе целью завоевание всей территории государства Тимуридов и в первую очередь его столицы, вынудило моголов отступить к Ташкенту⁴⁶.

Как видим, Султан Махмуд-хан охотно посылал в поддержку племяннику отряды моголов, надеясь при успехе обрести в лице Бабура нового вассала — правителя Ферганы, а в противном случае он мог ограничиться грабедом мирного населения. Неоднократно посылал он свои отряды и «на помощь» другим Тимуридам, претендовавшим на самаркандский престол. А в 1500 г. при походе на Самарканд Мухаммеда Шейбани Султан Махмуд-хан поддержал и его, послав, по словам Камалиддина Бинаи, к стольному городу войска моголов в количестве 5 тыс. человек⁴⁷. По мнению Мухаммеда Хайдара, Шейбани-хан завоевал Самарканд и Бухару с помощью Султан Махмуд-хана. Позднее, после занятия Самарканда Бабуром, Султан Махмуд-хан оказал последнему помощь в борьбе против Шейбани-хана, отправив к нему отряд из 500 человек⁴⁸.

Скрываясь от преследований политических противников, за городскими стенами Ташкента находили убежище отдельные представители правящей династии и высокопоставленные лица, причастные к управлению страной. Сюда бежал со своими сыновьями, спасаясь от Шейбани-хана, старший сын Убайдуллы Ходжи Ахрара — Ходжаги Ходжа; сюда же привела мать третьего сына Тимурида Султан Махмуд-мирзы — Ванс-мирзу (Хан-мирзу); здесь искал поддержку в годы скитаний Захириддин Бабур. Все это свидетельствует о роли и политическом весе Ташкента в период децентрализации власти в государстве Тимуридов.

После завоевания земель Тимуридов Шейбани-хан выступил в поход на Ташкент. Поход был хорошо подготовлен. Всем предводителям ополчений Шейбани приказал явиться для участия в походе, и до победы над моголами «ни один султан не имел права вернуться в свое владение»⁴⁹. Между тем правитель Ташкента Султан Махмуд-хан был занят подготовкой похода на Андижан против фактического правителя Ферганы Ахмеда Тенбеля. Последний, захватив земли, законным правителем которых считал себя Захириддин Бабур, не только не стал признавать верховную власть моголистанского хана Султан Махмуда, но во главе своих ополчений совершал набеги на территорию Моголистана⁵⁰. При этом каждая из сторон действовала якобы в поддержку «законных прав» сыновей бывшего правителя Ферганы — Омар-Шейха. Султан Махмуд-хан стремился сделать марионеточным правителем Ферганы Бабура, для чего взял его с собой в поход и, выделив ему отряд, поручил проникнуть в тыл противника. Ахмед Тенбель, в свою очередь, действовал якобы от имени младших братьев Бабура — Джангир-мирзы и Насыр-мирзы. Для организации совместного похода против Ахмеда Тенбеля Султан Махмуд-хан вызвал из Турфана своего младшего брата — Султан Ахмед-хана (Алача-хана), правившего от имени старшего брата восточной частью Моголистана.

Отряд моголов под начальством Захириддина Бабура в короткое время захватил несколько городов Ферганы, но отвоеванные им земли

⁴⁶ Бинаи. Шейбани-наме, л. 66; Бабур-наме, с. 69; Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме, л. 112а—112б.

⁴⁷ Бинаи. Шейбани-наме, л. 68.

⁴⁸ Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди, л. 636, 676; Бабур-наме, с. 108.

⁴⁹ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, с. 123.

⁵⁰ Бабур-наме, с. 122.

Султан Махмуд-хан передал свосму брату Султан Ахмед-хану, что вызвало размолвку между племянником и его моголистанскими дядями. Однако удержать захваченные земли моголам не удалось. Местные жители выступили против пришельцев, расправились с их гарнизонами и изгнали их. «Они схватили во всех крепостях тех моголов,— сообщает Бабур,— ограбили их и выгнали их, избивая»⁵¹.

Между тем Ахмед Тенбель сговорился о совместных действиях с Мухаммедом Шейбани. Моголистанские ханы, видимо, не знали о приближении войск Шейбани-хана. По свидетельству анонимного автора «Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме», когда Шейбани-хан достиг Коканда, некий Баба-Сайрами, прибыв к нему, доложил, что ханы не подозревают о приближении узбекских войск⁵².

Шейбани-хану без особого труда удалось подчинить Ахси, а весной 1503 г. войска противников встретились у города Архиан. Разыгралась короткая, но жестокая битва, в результате которой войска ханов были разбиты и рассеяны. Султан Махмуд-хан и Султан Ахмед-хан попали в плен, но из политических соображений были отпущены Шейбани-ханом. Однако в 1508 г. старший брат — Махмуд был казнен по распоряжению Мухаммеда Шейбани, а еще раньше, в 1504 г., умер (по всей вероятности, был отравлен) Султан Ахмед-хан. Захириддин Бабур бежал в горы Южной Ферганы, а затем на юг.

Оставленный править Ташкентом сын Султан Махмуд-хана — Султан Мухаммед при приближении войск Шейбани бежал из города, захватив с собой все, что только мог⁵³. Оставшееся имущество горожан разграбили вошедшие в Ташкент узбекские султаны; население было совершенно разорено, так что «все люди достатка стали нищими»⁵⁴.

Помимо богатств, Шейбани-хан, как это практиковалось и другими феодальными завоевателями, приобрел в покоренной стране, в целях придачи законности своей власти в данной области, новую жену — могольскую царевну Айша-Султан-ханум, более известную под именем Могул (Могабелле)-ханум, позже (1510 г.) сыгравшую роковую роль в гибели Мухаммеда Шейбани.

Завоеванный в 1503 г. Ташкент был отдан Шейбани-ханом в управление Джанибек-султану, Шахрухия — «одному из великих эмиров» Шейбани, брату Карачин-дивана — Якубу. Андижан временно остался в руках Ахмеда Тенбея, признавшего верховную власть узбекского хана⁵⁵. Несколько позже владельцами этих городов с прилегающими областями называются уже другие лица.

Создав относительно централизованное государство, Мухаммед Шейбани разбил завоеванные земли на уделы, во главе которых стояли его родичи и особо влиятельные предводители племен. Опасаясь их усиления, Шейбани-хан, как видно из источников, практиковал замену одних удельных правителей другими. Так, согласно Мухаммеду Салиху, в 1503 г. Ташкент был отдан Джанибек-султану, а Фазлаллах ибн Рузбихан (писавший свое сочинение в 1509 г.) называет уже правителем Ташкента Суюнч-Ходжу. «Престол Ташкента и подчиненных ему областей,— пишет он,— находится во властной и могучей руке его высочества (Суюнч-Ходжа-султана)», хотя в другом месте он отмечает: «Управление стольным [городом] Ташкентом и подвластными ему зем-

⁵¹ Там же, с. 135.

⁵² Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме, л. 90б.

⁵³ Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме, л. 92а; Мухаммед Салих. Шейбани-наме, с. 152.

⁵⁴ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, с. 155.

⁵⁵ Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме, л. 92б; Мухаммед Салих. Шейбани-наме, с. 155.

лями, которые называют областью Шаш, было закреплено за его высочеством Кучум-султаном. Престол Андижана до границ Кашгара был закреплен за его высочеством, прибежищем султанской власти, Суюндж-Ходжа-султаном»⁵⁶. Последний стал родоначальником ташкентской ветви династии Шейбанидов, и его потомки с переменным успехом выступали за независимость Ташкентского владения, пока оно не было захвачено Абдулла-ханом (1557—1598 гг.; верховным правителем — ханом провозгласил себя в 1583 г.).

В годы правления Суюнч-Ходжа-султана (1510—1525 гг.) роль Ташкента как экономического и культурного центра значительно возросла, хотя сам Суюнч-Ходжа, в отличие от многих других Шейбанидов, был, по словам современников, довольно ограниченной личностью и «не знал другого языка, кроме узбекского». Зайниддин Васифи, долгие годы проживший в Ташкенте и Шахрухии, оставил в своих мемуарах краткие, но весьма ценные (при скудных данных других источников) сведения о поэтах, художниках, писцах и других деятелях культуры, творивших в Ташкенте, как и о самом городе и его окрестностях. Суюнч-Ходжа-хану приписывается строительство чарбога Кайкаус, который располагался «вне крепости» Ташкента. Интересно и свидетельство Фазлаллаха ибн Рузбихана о том, что Суюнч-Ходжа имел в подчинении огромное число воинов. В его кортеже «было более десяти тысяч всадников, узбеков по происхождению»⁵⁷. Во главе своих войск хан делал набеги на казахские степи. В ответ на это в 1513 г. казахский хан Касым разграбил окрестности Ташкента и отошел, не вступая в бой. По данным другого источника, Суюнч-Ходжа-хан сразился с ним под Ташкентом, причем Касым был ранен, а разбитое войско его отступило в степь⁵⁸.

Борьба между Шейбанидами и казахскими султанами за Ташкент и присырдарьинские города продолжалась на протяжении многих десятилетий. К 1536 г., например, относится донесение русского посла в Ногайской орде Данила Губина, который писал: «А казахи, государь, сказывают, добре сильны, а сказывают, государь, Ташкент воевали, и ташкентские царевичи с ними дважды бились, а казахи их побивали»⁵⁹.

После гибели Шейбани-хана (1510 г.) Суюнч-Ходжа был признан на короткое время главой династии (в 1510—1530 гг. верховным правителем государства Шейбанидов считался Кучкунчи-хан). Умер он в 1524 г., а на ташкентский престол вступил его сын Султан-Мухаммед (Кельди-Мухаммед, 1525—1533 гг.)⁶⁰. С этим султаном вынуждены были считаться соседние правители. У него искал поддержки казахский хан Тахир. Позже, усилившись, Тахир вместе с предводителем киргизских племен Мухаммедом стал совершать походы на Туркестан, Сайрам и Ташкентскую область. Кельди-Мухаммед организовал против него поход и разбил войско Тахир-хана у г. Яса. В результате часть присырдарьинских поселений перешла к ташкентскому владельцу.

⁵⁶ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йн Бухара, с. 57, 144.

⁵⁷ Там же, с. 89.

⁵⁸ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. II. Алма-Ата, 1979, с. 269.

⁵⁹ Там же, с. 272.

⁶⁰ Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков.— Труды Отдела Востока. Государственный Эрмитаж, т. II, Л., 1940, с. 256—257.

Надо сказать, что при дворе Кельди-Мухаммеда сосредоточились значительные культурные силы. На литературных диспутах, проводимых в саду Кайкаус, Лаглагоне — «одной из летовок Шахрухия», в самой Шахрухия и других местностях, состязались в поэзии и знаниях ученые, поэты и иные просвещенные люди той области. В них активно участвовал и Зайниддин Васифи. На одном из таких меджлисов, в сентябре 1521 г., художник Джамалиддин Юсуф преподнес Кельди-Мухаммеду миниатюру, на которой искусный витязь поражал копьем тигра в лоб. Этот же художник-миниатюрист прислал карикатуру на некоего Ришадиддина Абульмахасина, что, по свидетельству Васифи, развеселило Кельди-Мухаммеда. Среди окружавших хана просвещенных людей упоминается также писец мавлоно Обид Хаттот, представивший ташкентскому правителю образцы почерков Якута, Махмуда Хаттота и Атхара Матруха⁶¹.

Судьбами поэтов и писателей Кельди-Мухаммед распоряжался деспотически, не считаясь с их интересами. Тот же Зайниддин Васифи по ханскому приказу был вынужден покинуть Самарканд, где он работал над книгами, которые, как говорит сам писатель, нигде нельзя было достать, кроме Самарканда. Ему пришлось прибыть ко двору Кельди-Мухаммеда, желавшего, чтобы поэты и просвещенные люди веселили его «сладкими рассказами»⁶².

По словам автора «Мухим-ханской истории», после смерти бухарского правителя Абдулазиз-хана (1550 г.) его брат Мухаммед Рахим-султан, правивший Ташкентом, решил захватить власть в Бухаре, но умер в пути⁶³. Итак, в 50-х годах XVI в. Ташкентом управлял Мухаммед Рахим-султан. Однако по свидетельству большинства других источников, умершему в 1533 г. Кельди-Мухаммеду наследовал Баракхан, известный под именем Науруз Ахмеда (1533—1555 гг.), ранее считавшийся удельным правителем Шахрухия.

Науруз Ахмед-хан часто организовывал походы на земли других удельных правителей и центральные города государства Шейбанидов, в зависимости от обстоятельств меняя военные действия на союз с отдельными правителями. В 1551 г. он стал номинальным верховным правителем государства Шейбанидов. В течение трех месяцев Науруз Ахмед-хан осаждал Бухару, где в то время правил Бурхан Султан. Последний позже сам призвал его на помощь для совместной борьбы против осадивших Бухару мятежных эмиров Каракуля. Науруз Ахмед-хан прибыл с большим войском, но был убит в своем же лагере, как можно полагать, лицом, подосланным джуйбарским шейхом с согласия Абдулла-хана.

Большие лишения пришлось испытать жителям Ташкента в последние десятилетия XVI в. Борьба бухарского правителя Абдулла-хана II, пытавшегося объединить разрозненные владения в единое государство, сопровождалась кровопролитными походами и разорением населения.

В 1582 г. Абдулла-хану удалось (после седьмого похода) подчинить Ташкент. Пять сыновей Науруз-Ахмед-хана: Дервиш-хан, которому принадлежал Ташкент, Баба-хан, владевший Туркестаном, Хорезмшах — Сайрамом, Дуст-Мухаммед — Ахсикентом и Мухаммед-Амин — Андижаном, — пытались объединиться в борьбе против Абдулла-хана, причем каждая сторона стремилась привлечь к себе на помощь казахских султанов. Абдулла-хану вначале лишь временно удалось захва-

⁶¹ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, с. 876—879, 894—895.

⁶² Там же, с. 970.

⁶³ Мухаммед Юсуф Мунши. Мухим-ханская история, с. 58.

тить Ташкентский оазис. При этом, по словам его историографа, Хафиза Таныша, все, кто не подчинился ему, расстались с женами, детьми и имуществом. С жителей была собрана большая контрибуция. Часть их, как свидетельствует Бадриддин Кашмири, была переселена в Бухарскую область.

В местности Каракамыш произошла встреча войск Абдулла-хана с Дервиш-ханом. Абдулла-хан вынужден был передать ему Ташкент с прилегающими землями. Но вскоре город осадил и захватил другой сын Науруз Ахмед-хана — Баба-султан, развернувший упорную борьбу с Абдулла-ханом. Он организовывал походы на Бухарскую и Самаркандскую области, пока не был убит казахскими султанами, выступавшими уже как союзники Абдулла-хана.

Ожесточенная борьба в конечном итоге завершилась победой Абдулла-хана. В результате была достигнута значительная централизация государства, что в общем должно было благоприятно повлиять на состояние экономики в стране. Однако пути, которыми достигалась эта победа, были крайне разорительны для народного хозяйства и населения края.

Разорение жителей Ташкентской области в ходе бесконечных войн и усобиц нашло отражение в сочинениях даже тех писателей, которые все свое внимание уделяли лишь деятельности господствующих слоев населения. В частности, историк джуйбарских шейхов Бадриддин Кашмири передает тревогу правителя Ташкента относительно того, что если войска Абдулла-хана придут к городу, то вся область будет разорена⁶⁴. Тот же автор отмечает, что жители осажденного Ташкента «испытывали голод»⁶⁵. Даже скудные сведения источников позволяют реально представить, какие губительные последствия имели походы Абдулла-хана, как и иных феодальных предводителей, для экономики Ташкента и других городов и селений.

Трудовое население Ташкента пыталось бороться против децентрализации и бесчинств феодальных правителей. Многовековая борьба жителей города и области нашла отражение в исторических источниках. «Товорят,— пишет Махмуд ибн Вали,— из особенностей той области это то, что она никогда не бывает без бунта и волнений, [и] поэтому говорили: аш-Шаш — место пребывания дьявола и дорога [различных] правителей. И действительно это подтверждается наблюдениями истории и со времени иранских царей до настоящего времени эта беспокойная земля не была свободна от следов вражды и насилья»⁶⁶. К сожалению, в письменных источниках рассматриваемого времени сохранились лишь отдельные упоминания о народных волнениях.

Последние годы правления Абдуллы характеризовались внешнеполитическими неудачами. На севере активно действовал бывший союзник узбекского хана, ставший к тому времени ханом казахов,— Таваккул-хан. Он начал борьбу с Абдулла-ханом за присырдарьинские города. На юге шах Аббас Сефевид стал вытеснять войска Абдулла-хана из Хорасана. Смерть Абдулла-хана послужила сигналом к восстановлению независимости Хорезма.

Общее тяжелое состояние страны привело к усилению народных возмущений. В стране нарастала реакция военно-феодальной знати и удельных правителей, которые при первых же признаках слабости центральной власти стали открыто проявлять сепаратистские стремления.

⁶⁴ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, с. 324.

⁶⁵ Там же, с. 231.

⁶⁶ Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 56.

Все это наглядно показывает, что созданное Абдулла-ханом государственное образование не имело прочной экономической и социальной базы и держалось лишь на военной силе, дипломатических способностях и воле завоевателя. Единственный сын Абдулла-хана Абдулмумин после смерти отца пытался продолжать его политику. Однако жестокость, с которой он расправлялся с прежними сановниками своего отца, оставшимися в живых двоюродными братьями и своими васалами, вызвала широкое недовольство. После шести месяцев правления он был убит. Номинальный глава государства Пир Мухаммед-хан не имел сил и таланта для удержания власти, тем более, что отдельные знатные эмиры Абдулла-хана, как, например, Абдалваси-бий, открыто перешли на сторону казахских султанов.

Отсутствием центральной власти и воцарившимся в стране беспорядком не замедлили воспользоваться как внутренние, так и внешние противники. В 1586 г. Таваккул-хан сделал неудачную попытку захватить Ташкент. В 1588 г. в Ташкенте вспыхнуло восстание против правившего здесь ставленника Абдулла-хана. Этим воспользовались казахские султаны и захватили Ташкент. Восстание, однако, потерпело поражение и новый правитель вынужден был уйти со своими войсками⁶⁷. Позже хан Таваккул во главе отряда казахов, совместно с предводителями моголов, калмыков и киргизов (по явно преувеличенным данным, около 100 тыс. человек) вторгся в глубь Бухарского ханства. Кроме Ташкента, ему удалось захватить и другие важные центры — Туркестан, Андижан, Мианкаль, Ахси. Под его властью временно оказался даже Самарканд. Только тяжелое ранение Таваккула на пути к Бухаре и его смерть в 1599 г. в Ташкенте приостановили эти завоевательные действия. Был заключен договор, по которому Ташкент присоединялся к казахским владениям, а самаркандские войска обязывались не предпринимать походы на Ташкент.

В 1599 г. бухарский престол перешел к Аштарханиду Баки-Мухаммед-хану (1599—1605 гг.), но в Ташкенте закрепились казахские султаны, которых Аштарханидам временами удавалось изгонять. Так, в начале XVII в. группа узбекских феодалов из вилайета Андижан повела войско на Ташкент и отняла его у сына Хакк-Назар-хана — Талым-султана.

Казахские султаны активно втягивались в орбиту политических событий в государстве Аштарханидов и принимали участие в борьбе различных феодальных группировок и военных походах узбекских ханов на соседние области. Среди правителей того времени особенно выделялся Турсун-Мухаммед, сын Джалим-султана, который забрал в свои руки «бразды правления Ташкентом и прочим вилайетом тех пределов»⁶⁸. Действия свои он нередко согласовывал с Имамкули-ханом.

Границы Ташкентского владения, как и в предыдущие десятилетия, часто менялись в зависимости от военных и дипломатических способностей местного правителя и общей обстановки в стране. Автор сочинения «Мусаххир ал-билад» Мухаммед Яр ибн Араб Катаган пишет, что после смерти Абдулмумин-хана каракалпакский народ в Туркестане (по другой рукописи, люди из Туркестана из племени мангытов) нарек Абдулгаффаром (именем убитого Шейбанида) человека, имевшего некоторое сходство с ним. Абдулгаффар захватил в свои руки

⁶⁷ Абусейтова М. Х. Некоторые сведения о ташкентском восстании 1588 г. в «Шараф-наме» Хафиза Таныша.— «Вестник АН КазССР», Алма-Ата, 1978, № 10; Бартольд В. В. Абдулла б. Искендер.— Соч., т. II, ч. 2, с. 487.

⁶⁸ История Казахской ССР. т. II, с. 283.

вилайет Сайрам, Ташкент, Ахсикент, Андижан и сделал Ташкент столицей, но в 1604 г. он был убит в местности Каракамыш⁶⁹. Как видно, Ташкент в начале XVII в. считался столицей обширной области.

Временное прекращение военных столкновений благоприятно отражалось на развитии хозяйства богатого земледельческого оазиса. В эти периоды создавались более благоприятные условия для развития сельского хозяйства и ремесленного производства, усиливались торговые и дипломатические связи с другими городами и странами. Но, к сожалению, мирные периоды жизни были короткими и вновь сменялись ожесточенными боями за овладение столь важным торгово-экономическим центром, как Ташкент. Рядовые жители оказывали упорное сопротивление врагу, за что в случае победы захватчик жестоко расправлялся с ними.

Один из таких примеров мы находим в книге Мухаммеда Юсуфа Мунши. В 1611 г. казахские султаны, пользуясь непрочностью власти бухарского хана Имамкули, организовали поход на Самарканд. Опасаясь их действий, узбекский хан вынужден был согласиться на перемирие, по условиям которого признавалась власть казахского хана над Ташкентом. Но в следующем году Имамкули, встав во главе большого войска, организовал поход на Ташкент и присоединил область к Бухарскому ханству. Правителем города с прилежавшими землями был назначен его сын — Искандер-султан. Однако, по словам Мухаммеда Юсуфа Мунши, из-за того, что «этот царевич не угодил (ташкентскому) населению», он был убит. Прибывший под стены Ташкента его отец в течение месяца осаждал крепость, и «население (города) оказалось в крайне тяжелом состоянии. Однажды на утренней заре осаждающие подожгли (одни из городских) ворота и те сгорели. Войска вошли через них в город и приложили (усилия) мечей к истреблению (всех) от старого до малого. Получилось такое беззаконие,— восклицает Мухаммед Юсуф Мунши,— которого само время не помнило». Далее автор продолжает: «В тот день до полуденной молитвы базар смерти был весьма оживлен и столетний старец шел по одной цене с однолетним младенцем». «Число убитых превосходило границы всего воображаемого и представляемого»⁷⁰. Этот и другие примеры показывают, сколь драматичной была судьба рядовых жителей Ташкентского оазиса в условиях феодального гнета, бесконечных войн и усобиц.

Приведенные данные характеризуют лишь один из этапов двухтысячелетней истории Ташкента, дальнейшее глубокое исследование которой требует коллективных усилий специалистов различного профиля.

Р. Г. Мукминова

СУНГГИ УРТА АСР ТОШКЕНТ ТАРИХИДАН

Совет Узбекистонининг пойтахти — Тошкент шаҳрининг 2000 йиллигига бағишланган ушбу мақолада, автор ёзма ёдгорликлар асосида сўнгги ўрта аср даврида шаҳар тарихининг асосий аспекти бериб берилди.

⁶⁹ Абусентова М. Х. «Мусаххир ал-билад» Мухаммед-Иар бен Араб Катана как источник по истории Казахстана XVI века.— В кн.: Письменные памятники Востока. История, филология, М., 1979, с. 7—8.

⁷⁰ Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история, с. 87—88.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

9

1983

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

его словам, это произведение создавалось в течение 20 лет, и в дальнейшем автор вносил в него разные дополнения.

Книга начинается с описания событий древнейших времен, как это делали по традиции все историки того времени, и доводит читателя до периода становления Кокандского ханства, а затем автор непосредственно переходит к истории Ташкента. Хотя во второй части сочинения в основном говорится о Ташкенте, его история излагается в тесной связи с событиями в Средней Азии в целом. Труд заканчивается описанием событий, происходивших в Ташкенте в 1887 г. Здесь приводятся также интересные сведения по географии и топографии Ташкента. Труд Мухаммада Салиха ценен тем, что он был очевидцем многих описываемых событий и в большинстве из них принимал непосредственное участие. Три рукописи указанного труда хранятся в ИВ АН УзССР, причем одна из них — автограф, состоящий из 1040 л.³⁹ Этот труд специально еще никем не был исследован. В 1941 г. об этой рукописи впервые появилась статья Я. Г. Гулямова⁴⁰. Краткое научное описание упомянутых рукописей дано в СВР АН УзССР⁴¹. В связи с 2000-летием Ташкента об этом сочинении опубликована статья А. Урунбаева⁴².

Кроме отмеченных выше лиц, в Ташкенте в разное время проживали и такие деятели науки и культуры, как Абу Бакр Шаши (XI—XII вв.), Али Бенакети (XIII в.), Джамшиди Шаши (XIV в.), Хамидаддин Ташканди (XV в.), Абдалвадуд катиб (XV—XVI вв.), Ярмухаммад Ташканди, Шах Али Каххал, Баки Джаррах Ташканди, Абид хаттат (XVI в.), Джамил Мирак Ташканди (XVI—XVII вв.), Шахаким Ташканди, известный как Халис (XVII—XVIII вв.), Шахи, Эшанходжа Ташканди (XIX в.), отдельные произведения которых дошли до нас и хранятся в рукописном фонде ИВ АН УзССР. В рамках одной статьи невозможно охарактеризовать их вклад в науку, литературу, искусство.

Всестороннее изучение биографии и творчества ученых и поэтов прошлого Ташкента на базе источников, хранящихся в рукописном фонде Института востоковедения АН УзССР, требует глубоких исследований целого коллектива специалистов. Они, несомненно, раскроют интереснейшие страницы истории научной и культурной жизни города в эпоху средних веков и в период, непосредственно предшествовавший присоединению Средней Азии к России.

³⁹ Мухаммад Салих. Тарих-и джадида-и Ташканд. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7791, 11072—11073, 5732.

⁴⁰ Известия УзФАН СССР, 1941, № 4, с. 81—82.

⁴¹ СВР, т. VI, с. 34—35.

⁴² Урунбаев А. Тошкент солномаси.— Гулистон, 1982, № 3, с. 26.

Р. Г. МУКМИНОВА

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТАШКЕНТА КОНЦА XV—XVI ВЕКА

Роль Ташкента в политической и экономической жизни Средней Азии значительно возросла со времени превращения его с конца XV в. в столицу обширной области. В конце XV—XVI в. отмечаются определенные сдвиги и в развитии культуры. Именно к этому времени относится возведение зодчими большинства монументальных зданий старого Ташкента, дошедших до наших дней. В их числе: построенные из жженого кирпича, увенчанные куполами медресе Кукельдаш, медресе Барак-хана (Науруз-Ахмед-хана) — один из красивейших памятников XVI в., мечеть и медресе Ходжи Ахрара, гробница Юнус-хана и др. В XVI в. был восстановлен мавзолей Каффала Шаши. К тому же столетию Зайниддин Васифи относит устройство «вне крепости»

Ташкента чарбага Кайкаус. По словам писателя, сад-чарбаг был построен по приказу Шейбанида Суюнч-Ходжа-хана (ум. в 1525 г.).

Большой интерес с точки зрения состояния строительной техники представляют остатки бани XV—XVI вв. (в районе быв. Караташа). Она отличается необычной высотой жаропроводных каналов. Полы и стенки ее были промазаны специальным раствором. Угловая комната, в которой размещался круглый бассейн, имела круглую форму. Многоцветные майоликовые плитки покрывали панели над суфами в раздевальне и в комнате отдыха¹.

Строительство и художественное оформление монументальных культовых и гражданских сооружений, то, что они сохранились до нас, живописно вписываясь в комплекс современных построек,— отражение высокого мастерства и знаний в области геометрии, математических расчетов и строительной техники безмянных ташкентских мастеров — строителей, архитекторов и художников тех лет.

О состоянии литературы, поэзии и искусства в Ташкенте 20—30-х годов XVI в. мы узнаем главным образом из мемуаров Зайниддина Васифи. Писатель оставил нам ценные сведения о культурной жизни города, о творческих контактах ученых, художников и литературных деятелей. Зайниддин Васифи сообщает, например, что «однажды в саду Кайкаус... собралось большое количество ученых, поэтов и просвещенных людей Ташкента...»²

Тесными узами был связан Ташкент с такими центрами культуры, как Самарканд, Шахрухия, Герат.

На литературных меджлисах, проводимых в саду Кайкаус, Лаг-лагане — «одной из летовок Шахрухии» и в самой Шахрухии, состязались поэты, ученые и остроловы не только Ташкента, но и других городов. В них активное участие принимал поэт и историк Зайниддин Васифи, до приезда в Самарканд и Ташкент неоднократно являвшийся почетным гостем на самых утонченных литературных диспутах гератской аристократии.

На таких меджлисах Зайниддин Васифи часто выступал с сообщениями о знаменитых писателях, ученых и поэтах, излагал рассказы и предания об Алишере Навои. Характерно указание Васифи, что участники литературных собраний тщательно записывали все то, что касалось жизни и деятельности Навои. Здесь же читались вслух «Шах-наме», произведения Абдуррахмана Джами, классические сочинения других авторов. Все это — яркое свидетельство высокого для того времени уровня литературной жизни в Ташкенте, освоения местными литературными кругами традиций Самарканда, Бухары, Герата и других городов, дальнейшего развития культуры.

Правителю Ташкента Кельди Мухаммеду (ум. в 939/1532—33 г.), возглавлявшему диспуты, художники и каллиграфы обязаны были подносить свои произведения. Так, в сентябре 1521 г. миниатюрист Джамалиддин Юсуф подарил Кельди Мухаммеду рисунок, на котором был изображен вооруженный царственный юноша, поражающий копьём тигра. Тот же художник прислал Кельди Мухаммеду карикатурное изображение некоего Ришадиддина Абуль Махасина. Зайниддин Васифи отмечает, что эта карикатура вызвала удовольствие у ташкентского праителя. Васифи сообщает также, что писец Обид Хаттот преподнес правителю альбомы почерков знаменитых писцов³. В 932 г. х. (1525—26 г.) в торжественной обстановке, при большом стечении просвещенных людей Ташкента, Самарканда, Бухары, эмир

¹ Филанович М. И. Новое о средневековой городской культуре Ташкента.— Общественные науки в Узбекистане, 1982. № 3, с. 40.

² Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков.— Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, т. II, Л., 1940, с. 257.

³ Зайн-ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. Т. II. М., 1961, с. 876—879, 894—895.

сейид Джалалиддин Маргинони подносит Кельди Мухаммеду ответ на касыду Абдальваси Джебели⁴.

Известно, что в Ташкенте жил и другой каллиграф — Маулоно Ни'мат⁵.

До последнего времени оставалось не известным для исследователей посещение Ташкента поэтом и мыслителем Абдуррахманом Джами. Между тем, как выявляется из писем-автографов поэта, Джами посетил Ташкент. При третьей поездке в Мавераннахр, по пути в Ташкент, проезжая через Фараб, он написал письмо (адресатом, по всей вероятности, был Алишер Навои), которое вошло в «Альбом Навои». В нем говорилось:

«Нижайший Абдуррахман ал-Джами.

После выражения мольбы докладывается, что пятнадцатого (числа) месяца раби ал-ахир для испрашивания (благословения) у досточтимого Ходжи (Убайдуллаха) мы направились в Ташкент. Все друзья — здоровы и невредимы. (Мы) надеемся, что в скором времени вернемся. Просим извинить (нас) за небрежность, вызванную тем, что письмо писалось сидя на лошади...»⁶

Абдуррахман Джами прибыл в Ташкент 13 июля 1479 г.⁷ Цитированное письмо, между прочим, включает и новые дополнительные материалы для выявления характера деятельности Ходжи Ахрара и его взаимоотношений с Джами.

Косвенным свидетельством относительно высокого для того периода культурного уровня определенных кругов города является то, что секретарем ташкентского правителя Суюнч-Ходжа-султана, а затем его сына, Абдал Латифа, был автор исторического труда «Тарих-и Абулхайр-хани» — Ма'суд ибн Усман Кухистани.

В Ташкенте бывал Захириддин Мухаммед Бабур, оставивший краткие, но ценные сведения о городе и прилегающих районах, о народностях, проживавших там, их вооружении и костюмах⁸.

Анализируя сочинения авторов начала XVI в., можно полагать, что в Ташкенте бывали известный узбекский поэт и историк Мухаммед Салих, анонимный автор исторического сочинения на узбекском языке «Таварих-и гузиде-и нусрат-наме» и некоторые другие придворные писатели Шейбани-хана. В Ташкенте родился автор «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдар.

Позже, в 1625—1626 гг., в Ташкенте жил историк и правитель, автор «Шаджара-и турк» Абулгази-хан⁹.

Все это прямо или косвенно говорит о том, что многие из тех, кто касался в своих книгах истории Ташкента, был здесь и отразил то, что видел или слышал от непосредственных участников событий, и что в Ташкенте в XVI в. сосредоточились значительные культурные силы. Факт нахождения в Ташкенте в продолжении многих лет Зайниддина Васифи — видного поэта и писателя — также говорит о высоком уровне развития здесь литературы в тот период.

Правитель Ташкента Суюнч-Ходжа-султан, как и его старший брат Кучкунчи-хан — верховный правитель государства Шейбанидов, будучи сыном дочери Улугбека Раби'а-Султан-бегим, получил для своего времени хорошее образование. Этим объясняется тот факт, что имена Кучкунчи, Суюнч-Ходжа и сына последнего — Кельди Мухам-

⁴ З а й н - а - д - д и н В а с и ф и. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 156а.

⁵ Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Казахстане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М., 1974, с. 302.

⁶ Письма-автографы Абдуррахмана Джами из «Альбома Навои». Ташкент, 1982, с. 67, № 116 (121).

⁷ Там же, с. 136; Примечания к письмам Абдуррахмана Джами, № 116 (121), с. 137; № 146, с. 138; № 192, с. 138.

⁸ Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958, с. 16, 121.

⁹ А б у л г а з и Б а х а д у р - х а н. Шаджара-и турк. Казань, 1891, с. 199—200.

меда сохранились в истории не только как представителей династии Шейбанидов, но и как покровителей литературы, науки и искусства.

Однако судьбами поэтов и писателей феодальные правители распорядились деспотически. Тот же Зайниддин Васифи по приказу Кельди Мухаммеда обязан был покинуть Самарканд, где он работал над книгами, которых, как говорит сам писатель, нигде нельзя было достать, кроме Самарканда. Он вынужден был прибыть ко двору Кельди Мухаммеда, желавшего, чтобы поэты и просвещенные люди веселили его «сладкими рассказами»¹⁰.

В рассматриваемый период отмечается усиление в литературной жизни региона роли узбекского языка. По приказу Суюнч-Ходжа-султана несколько сочинений были переведены с персидско-таджикского языка на узбекский. Позже для сына Суюнч-Ходжа-султана — Науруз-Ахмед-хана была переписана прекрасно оформленная рукопись «Бустана» Саади.

На староузбекском («тюрки») языке составлялись и официальные документы ташкентских удельных правителей. В одном из указов, где сообщалось о своевременном выделении соответствующей части урожая в пользу государственной казны (дивана), сохранился указ на староузбекском (тюрки) языке, адресованный даруге Ташкента (дата не указана)¹¹. Определенный интерес в отношении официального использования узбекского языка представляют и ярлыки, изданные от имени Науруз-Ахмед-хана в период, когда он был удельным ташкентским правителем¹².

Документы и образцы для их составления, написанные на староузбекском языке, показывают, что канцелярское делопроизводство в Ташкенте рассматриваемого времени, в отличие от Бухары и Самарканда, велось и на узбекском языке.

Были в Ташкенте и свои врачи-табибы. В чарбаге Кайкаус располагалась лечебница, где лечились раненые в боях узбекские султаны.

Представители высокопоставленной аристократической части города сочетали литературные диспуты со спортивными играми. Состоялись в стрельбе из лука по тыквам, гоняли тыквы, восседая на коне, играли в нарды, шахматы, в поло-чоуганбози¹³.

В систему воспитания будущего удельного ташкентского, а затем и верховного правителя государства Шейбанидов — Науруз-Ахмед-хана входило, например, совершенствование в стрельбе из лука, верховой езде и других военных упражнениях; каллиграфии, музыке, пению, метрике и поэтике его обучал Зайниддин Васифи.

Рассмотренные факты свидетельствуют о сосредоточении в Ташкенте конца XV—XVI в. значительных культурных сил. Однако бесконечные междоусобные войны, нападения предводителей кочевых племен, жестокая феодальная эксплуатация, распространявшаяся в равной мере и на деятелей культуры, не давали возможности широкому развитию литературы и искусства, основной движущей силой в области которых выступают в XVI в. торгово-ремесленные слои населения. Поэты и мемуаристы, историки, ученые и художники, существовавшие на заработок от своего ремесла — поэзии, исторических книг, миниатюрной живописи, каллиграфии и т. п., — находились в полной зависимости от феодального правителя.

В дальнейшем в Ташкенте наблюдается заметный спад в развитии культуры. Историк-энциклопедист XVII в. Махмуд ибн Вали так

¹⁰ Зайниддин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 970.

¹¹ Мактубат ва аснад. Ркп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № А-210, л. 946—95а.

¹² Ярлыки. Рукописный фонд Восточного отделения библиотеки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, инв. № 4626.

¹³ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-намеси Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. Под ред. А. К. Арендса. М., 1976, с. 113—114.

характеризовал состояние культуры его населения: «В прошлом отсюда вышло много благородных шейхов, видных ученых и обладателей различных учений. Но в настоящее время (т. е. в 40-х годах XVII в., когда автор написал свое сочинение.— *Р. М.*) из-за постоянного бунта и заговоров совершение угодных Аллаху обрядов и приобретение образования совершенно затруднены»¹⁴.

Приведенные материалы говорят об определенном подъеме в развитии культуры и экономики Ташкента конца XV—XVI в. Этот вывод, между прочим, может помочь в уточнении периодизации истории Узбекистана рассматриваемых столетий.

Дальнейшее изучение богатейших рукописных книг и осмысление материалов, извлеченных из них, с точки зрения марксистско-ленинских позиций позволит выявить дополнительные факты для более глубокой разработки социально-экономической истории средневековых городов Узбекистана.

¹⁴ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Ташкент, 1977, с. 56—57.